

УДК 811.161(477.87)+821.16
UDC
DOI: 10.17223/18572685/54/6

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОНИМА *РУСИН* В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА

С.В. Зеленко

Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Авторское резюме

Рассматривается вопрос концептуализации этнонима *русин* в поэтических произведениях писателя, этнографа, просветителя, педагога, религиозного и общественного деятеля Александра Васильевича Духновича (1803–1865), посвятившего жизнь делу национального возрождения и развития русинов. Акцентируется внимание на том, что личность А.В. Духновича, его произведения и значимые этапы жизни стали прецедентными (значимыми, концептуально важными) для русинского лингвокультурного сообщества. На примере прецедентных текстов, написанных в разные годы А.В. Духновичем (стихотворения «Жизнь русина», «Вручание», «Гимнь подкарпатских русиновъ», «Русский маршь», «Пѣснь народна»), изучены концептуальные определения национальных, этнических, историко-культурных явлений и объектов русинской картины мира как совокупности их отличительных категориальных признаков, исключительно важных для русинского лингвокультурного сообщества. Проведенный анализ поэтического наследия А.В. Духновича позволил выявить доминантные ментальные константы концептуального поля этнонима *русин* на семейно-родовом, бытовом, историко-культурном, образовательном, морально-этическом, религиозном и самоидентификационном уровнях. Сделан вывод о том, что произведения художественной литературы, актуализирующие семантическое наполнение этнонима, формируют у представителей определенного лингвокультурного сообщества национальный историко-культурный стереотип (символ), который в перспективе может стать идеологической основой общества и государства.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, этноним, русин, русины, Духнович, поэзия, концептуальный анализ.

CONCEPTUALIZATION OF THE ETHNONYM *RUSIN* IN THE POETRY OF ALEXANDER DUKHNOVICH

S.V. Zelenko

Belarusian State University
4 Nezavisimosti Avenue, 220030 Minsk, Belarus
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Abstract

The article deals with the conceptualisation of the ethnonym *Rusin* in the poetic works of the writer, ethnographer, enlightener, educator, religious and public figure Alexander Vasilyevich Dukhnovich (1803–1865), who devoted his life to the national revival and development of Rusins. The article focuses on the fact that A.V. Dukhnovich's personality, his works and significant stages of life became precedent (conceptually important) for the Rusin language and cultural community. A.V. Dukhnovich's precedent texts of different years (poems "The Life of a Rusin", "Vruchanie", "The Anthem of Subcarpathian Rusins", "The Russian March", "People's Song") are used to study the conceptual definitions of national, ethnic, historical and cultural phenomena and objects of the Rusin picture of the world as a combination of its distinctive categorical features, which are extremely important for the Rusin language and cultural community. The analysis of the poetic heritage of A.V. Dukhnovich made it possible to reveal the dominant mental constants of the conceptual field of the ethnonym Rusin at the family, everyday, historical, cultural, educational, moral, ethical, religious and self-identification levels. The author concludes that works of fiction that actualize the semantic content of the ethnonym form a national historical and cultural stereotype (symbol) among representatives of a certain language and cultural community, which in the future can become the ideological basis of society and the state.

Keywords: concept, conceptualization, ethnonym, Rusin, Rusins, Dukhnovich, poetry, conceptual analysis.

В этнических сообществах (это касается и славянского мира), которые в силу ряда исторических причин долгое время были лишены прав на международное признание и национальное самоопределение, в т. ч. числе культурное и языковое, зачастую не политики и дипломаты, а общественные деятели, просветители и мастера художественного слова выступали в качестве глашатаев-защитни-

ков притесняемых народов. Например, у белорусов это народные песняры Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич) и Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич) – классики и одни из основоположников новой белорусской художественной литературы и современного литературного белорусского языка. Украинцы национальным героем по праву считают поэта и прозаика, общественного деятеля и просветителя Тараса Григорьевича Шевченко, называя его «символом Украины». У русинов такой личностью стал Александр Васильевич Духнович – народный русинский будитель, писатель и этнограф. Например, И. Каминский в одной из своих лекций, прочитанных 30 апреля 1925 г. в Культурно-просветительском обществе им. А. Духновича в Ужгороде, справедливо подчеркнул значимость его личности в формировании национального самосознания русинов: «Без сознательного национального чувства нет свободы, нет народной культуры, нет жертвы на алтарь культуры. Видя воодушевление в сердцах сознательных элементов нашего народа и стремление хранить принципы первых будителей, Духновича и его наследников, видя и опыты денационализации, мы уверены, что скоро настанет время, когда весь карпаторусский народ будет охвачен творческой силой национального самосознания» (Каминский 1925: 11).

Сами имена (творческие и политические псевдонимы) значимых для определенного этнического сообщества людей, их художественные, публицистические и научные произведения и цитаты из них, а также события, связанные с общественной жизнью подобных личностей, становятся прецедентными – исключительно важными, известными, классическими, цитируемыми. Исследователи, изучающие влияние прецедентных феноменов (ПФ) на социальное сознание, утверждают: «Социоспецифические прецедентные явления – это ссылки, которые в большей или меньшей степени известны представителям общества и являются частью так называемого "коллективного когнитивного пространства". Такое пространство может быть ограничено, например, религиозными, профессиональными, бытовыми и другими социальными "границами". Национальные прецедентные феномены расширяют сферу действия возникающих ассоциативных взглядов еще больше, поскольку они входят в когнитивную базу всего лингвокультурного сообщества. В этом случае вероятность изменения ассоциативного значения значительно уменьшается, поскольку такие прецеденты, похоже, знакомы более широким группам людей» (Гришечко, Акопова 2016: 73). В.В. Красных, опираясь на классификацию Ю.Н. Караулова (Караулов 1987: 216), выделяет три специфические особенности прецедентных феноменов, исключительно важные для понимания того, как они способны влиять на представителей опре-

деленного лингвокультурного сообщества: «1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества ("имеющие сверхличностный характер"); ПФ "хорошо известен всем представителям..." постольку, поскольку последние имеют некий, общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса национально-детерминированный и минимизированный инвариант его восприятия; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; за ПФ всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену "прозрачными", понятными, коннотативно окрашенными; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества; говоря о постоянной апелляции ПФ (а это является одним из признаков последних), мы имеем в виду, что "возобновляемость" обращения к тому или иному прецедентному феномену может быть "потенциальной", т. е. апелляция к нему может и не быть частотной, но в любом случае она будет понятна собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария (иначе это будет апелляция не к прецедентному феномену)» (Красных 1997: 9).

Таким образом, имя А.В. Духновича, безусловно, можно считать прецедентным для русинов, как и его произведения, как и цитаты из них, как и значимые этапы его жизни, что обуславливает актуальность их изучения как в плане историческом, так и культурологическом. Например, Е.И. Сабов в «Очерке литературной деятельности и образования карпатороссов» подчеркивал особую роль А. Духновича в развитии русинской литературы и в деле просвещения народа: «Давний у нас обычай поминать отца-мамку, деда-бабку. Культурный народ поминает и тех людей, что трудились для его просвещения. И у нас бывали такие люди с Александром Духновичем на челе. Они учили не только устно нас и наших предков, но изложили свою науку в письме. То были наши писатели; они оставили нам книжки и напечатали их. Так переняли мы у них посредством печатных книг просвещение. А что в книгах писалось и печаталось, то и есть наша литература» (Сабов 1925: 3). Значение печатных изданий А. Духновича Е.И. Сабов отразил и в «Речи по поводу торжества открытия памятника-бюста Александра В. Духновича в В. Севлюше 8/VI 1925»: «Но как почитали книжечки Духновича, то и недоверяющие успеху взялись за народное дело, и в течение двадцати лет Подкарпатье преобразилось» (Сабов 1925b: 10). Знаменитый историк и этнограф профессор Ф.Ф. Аристов отмечал эпохальность личности А. Духновича: «Значение

деятельности А.В. Духновича для развития Угорской Руси настолько велико, что составляет целую эпоху в ее истории <...> Вообще, своими трудами А.В. Духнович указал угрорусам то направление, по которому должно совершаться их национальное развитие» (Аристовъ 1916: 54). В современных исследованиях также подчеркивается значимость для русинов как самой личности А. Духновича, так и его произведений: «У русинов национальным символом является незабвенный, любимый многими русинскими поколениями Александр Духнович. С его именем связаны проблемы развития русинской культуры, литературы, народного образования, педагогики как науки» (Алмаший 2006: 17); «А.В. Духнович являлся одной из центральных фигур в жизни русинов» (Тудосе 2007: 23); «А.В. Духнович – автор стихотворений, написанных на русинском наречии, в том числе и "Я русин был, есмь и буду", ставшего впоследствии народным гимном Подкарпатской Руси» (Суляк 2008: 11). Подобных примеров можно привести множество.

Богатейшее творческое наследие людей, которые многое сделали, чтобы пробудить самосознание своих народов, как правило, входит в золотые фонды национальных литератур, становится классикой, образцом для подражания и современников, и последующих поколений писателей, а также объектом всестороннего научного анализа и изучения. Автор диссертационного исследования, в котором были изучены корреляционные отношения национального самосознания, языка и культуры, небезосновательно утверждает: «Самосознание этнической общности, подобно всем формам общественного сознания, существует не только на уровне индивида, но и "надличностно" в объективированных массовых формах общественного сознания: в языке, в произведениях культуры и искусства, в научной и публицистической литературе, в нормах морали и права. Именно сознанию принадлежит приоритетная роль в формировании национальной картины мира или, точнее, концептуальной картины мира нации как группы людей, объединенных только им присущими особенностями мышления, восприятия, интерпретации и концептуализации объектов и предметов окружающей действительности» (Ма 2001: 4). Именно в эксплицитном и имплицитном влиянии на процессы развития национального самосознания и самоопределения, становления национальной (в перспективе – государственной) идеологии, этнической самоидентификации, сохранения и широкой популяризации национальных языков, а также формирования их литературных форм как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах заключается концептуальная значимость литературных (художественных и публицистических) трудов подобных личностей. При этом литературное наследие значимых для определенного лингвокульту-

турного сообщества авторов представляет собой субстрат, который содержит вербализированные семантические единицы (концепты), в значительной степени влияющие на формирование той или иной национально-этнической картины мира.

Под концептом в данном случае понимается «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» (Попова, Стернин 2007: 34). При этом, как утверждают исследователи, «концепт организован по принципу полей, то есть не локализован в качестве единицы, а благодаря своей динамике распределен в культурном пространстве... В этом смысле концептуальное поле – это самоорганизующееся пространство распространения смыслов и символов, создающих своеобразное ментальное напряжение, функционирующее в качестве интерпретационной активности то возникающей, то угасающей в зависимости от актуализации отдельных составляющих этого концептуального поля» (Ромащенко, Ромащенко 2015: 151).

Поэзия А. Духновича представляет собой ярчайший пример концептуализации различных национальных, этнических, историко-культурных явлений и объектов в плане определения (в т. ч. и метафорического) совокупности их отличительных категориальных признаков. Е.Л. Недзельский в монографической работе «Очерк карпаторусской литературы», отдавая должное поэтическому таланту А.В. Духновича, подчеркивал: «Прежде всего Духнович был поэт – и не только в эстетическом значении, но поэт народа своего; вся его деятельность предполагает национальное вдохновение, которое равно отразилось и в его стихотворениях, и в его народно-педагогической деятельности» (Недзельский 1932: 148).

В историко-культурном плане наибольший интерес для научного исследования представляет концептуализация А.В. Духновичем как прецедентной личностью этнонима *русин*, который, в частности, представлен в стихотворениях «Жизнь русина» (Книжица 1850: 88–93), «Вручаніє» (Поезіи 1922: 36–37), «Гимнь подкарпатскихъ русиновъ» (Поезіи 1922: 84), «Русскій маршъ» (Поезіи 1922: 66–67), «Пѣсьнь народна» (Поезіи 1922: 65). Актуализацию в творчестве А.В. Духновича данной концептуальной единицы можно истолковать с опорой на выявление совокупности экстралингвистических факторов, главный

из которых – многолетнее служение делу национального, культурного и языкового возрождения русинов.

Специфика актуализации и репрезентации этнонима *русин* в различных дискурсах (историческом, лингвистическом, культурологическом, политическом) широко представлена в международном историческом журнале «Русин». Так, например, С.Г. Суляк в статье «Этноним *рус* в антропонимике средневековой Молдавии» анализирует количественную распространенность имен и фамилий с данным корнем (Суляк 2017: 82–88); в работе Е.И. Зиновьевой «Этнонимы *русин*, *русак* и *русский* в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв.» рассматриваются особенности функционирования лексем – наименований человека (Зиновьева 2017: 94–100); в исследовании З.И. Резановой и К.С. Шиляева «Этнонимы "русин", "русинский" в русской речи: корпусное исследование» выявляются типовые контексты, дискурсы и жанры, в которых актуализирована семантика анализируемых слов (Резанова, Шиляев 2015: 239–252); в статье И.В. Нам и Н.И. Наумовой «Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг.» подвергается анализу роль коллективной исторической памяти в политической идентификации и национальном строительстве Галицкой Руси (Нам, Наумова 2015: 127–136).

Что касается литературоведческих рефлексий русинской тематики, то этноним *русин* становится предметом анализа. Так, в статье «Национальное кредо А. Духновича: "Я русин был, есмь и буду"», М. Алмаший подчеркивает: «Для А. Духновича "русин" – священное слово, которому надо поклоняться, давать ему клятву на верность. Что и делал сам Духнович. В его поэзии, прозе, драматических произведениях, научных и педагогических трудах находим свыше 500 случаев обращения к этнониму "русин"» (Алмаший 2006: 18). В. Тудосе, анализируя творческое наследие русинских прозаиков и поэтов в работе «Карпаторусские писатели и общественные деятели XIX в.», отмечает: «В поэзии А.В. Духновича преобладали патриотические мотивы, идея славянской солидарности ("Песнь земледельца – весной", "Подкарпатские русины", "Поздравления русинов"), духовные установки: цель жизни – благо ближнего, счастье – в умении довольствоваться малым, вечность и красота природы как мерило земного бытия (например, "Мысль в начале весны", 1852; "Надежда", 1860)» (Тудосе 2007: 22). Н.Ф. Алефиренко и И.И. Чумак-Жунь в статье «Русинский мир в поэтическом дискурсе Ивана Франко» исследуют феномен русинского поэтического дискурса, акцентируя внимание на его этноязыковых особенностях: «Так как в индивидуально-авторской поэтической картине мира (метафоре, концепте) И. Франко доминирует этнический

компонент, можно говорить о народном поэте русинского этноса (как в России о С. Есенине или в Польше об А. Мицкевиче)» (Алефиренко, Чумак-Жунь 2017: 18). Последний тезис, на наш взгляд, может быть актуальным и по отношению к творческой личности Духновича.

Концептуальная значимость поэтического творчества А.В. Духновича для русинов подтверждается интертекстуальными модификациями, которым подвергаются его произведения. Так, например, в сатирической газете «Сова» (Народная 1871: 2) находим интертекстуальную пародию на стихотворение А. Духновича «Вручаніє» (Поезії 1922: 36–37). Результаты редакторско-концептуального анализа модифицированного прецедентного текста (Зелянко 2007: 118–121) указывают на правомерность лексических трансформаций в газете концептуального поля этнонима *русин* с целью привлечения внимания читательской аудитории к общественно-политической и социальной ситуации (религиозное притеснение русинов, ассимиляционная мадьяризация, закрытие редакций русинских изданий), которая сложилась в данный исторический период в Закарпатье.

Опираясь на факт прецедентности как самой личности А.В. Духновича, так и его текстов, можно утверждать, что наиболее приемлемым подходом к изучению особенностей концептуализации этнонима *русин* в поэтическом наследии А. Духновича будет семантико-когнитивный анализ концепта, описанный в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Когнитивная лингвистика» (Попова, Стернин 2007: 112). Данный подход, в частности, предполагает анализ и описание семантики речевых единиц, определяющих концепт, выявление ментальных признаков, его формирующих, описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

Концептуальное поле этнонима *русин* в поэзии А. Духновича образуется системой семантических координат, каждая из которых «описывает область содержательной интерпретации знака, отражающую отношение знака и его мыслительного эквивалента (значения) и несущую в себе совокупность знаний о мире через установленную и используемую в социуме систему понятий, категорий и т. д. о нем» (Методология 1998: 18). Семантические координаты при этом опосредуются соответствующими тематическими векторами – совокупностью конкретных вербальных знаков (определений, характеристик, описаний) в авторском дискурсе, которые в своем многообразном единстве направлены на раскрытие значения определенного концепта. Так, например, сакральный вектор указывает на отношение русинов к Богу и религии, что в анализируемых стихотворениях подтверждается следующими определениями, характеризующими представителя данного этнического сообщества: «богобойный»; «по-

койно, богобойно Бога почитаешь»; «грѣха незнає»; «Бога любить»; «жїє богобойно»; «вдячно дасть Богу божое ничь непротивитя»; «такъ жїє, такъ працує, въ ласць Бога свого»; «О призри Боже, и Отче потѣшь невиннаго, помилуй ласкавый Творче русина бѣднаго, чтобы онь тебѣ служити могъ сердцемъ невинный, и побожно, чесно жити» (Книжица 1850: 88–93).

Сакральный вектор в лирике А. Духновича во многом предопределяет семантическое наполнение морально-этической координаты концептуального поля этнонима *русин*, в основе которой лежат христианские ценности, подтверждением чему служит ряд описательных конструкций: «незавидит онь никому въ високихъ полатахъ»; «єдноє сердце благоє суть его богатства»; «онь не злодѣй, не разбойникъ, сумлиня чистаго, онь благій, добрый человѣкъ і сердца щираго»; «все претерпитъ и здѣласть для свого ближнього»; «не жадаєть ничь чужое своимъ заходитя»; «покой, любовь все чувствує, не рушитъ никого» (Книжица 1850: 88–93).

Как видно из приведенных примеров, экстралингвистический фактор – священство автора, опосредующий творчество А. Духновича, тесно связан с интралингвистическим – наличием в анализируемом стихотворении «Жизнь русина» (Книжица 1850: 88–93) отсылок к Декалогу. Например, «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим» (Втор. 5: 6–7) – «Бога любить»; «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи [родов] любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Втор. 5: 8–10) – «покойно, богобойно Бога почитаешь»; «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо не оставит Господь без наказания того, кто употребляет имя Его напрасно» (Втор. 5: 11) – «О призри Боже, и Отче потѣшь невиннаго, помилуй ласкавый Творче русина бѣднаго»; «Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой. Шесть дней работай и делай всякие дела твои; а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему. Не делай [в оный] никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец твой, который у тебя, чтобы отдохнул раб твой, и раба твоя, как и ты. И помни, что [ты] был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний» (Втор. 5: 12–15) – «вдячно дасть Богу божое ничь не противитя»; «такъ жїє,

такъ працує, в ласцѣ Бога свого»; «Не убивай» (Втор. 5: 17) – «онъ не злодѣй, не разбойник, сумлиня чистаго, онъ благий, добрый человек і сердца щираго»; «покой, любовь все чувствує, не рушить никого»; «Не кради» (Втор. 5: 19) – «не жадає ничъ чужое своимъ заходится»; «Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего» (Втор. 5: 21) – «все претерпеть и здѣлаєть для своего ближнего».

Профанно-бытовой вектор концептуального поля этнонима *русин* в стихотворениях А. Духновича также опосредуется семантикой сакрального (христианского), что четко прослеживается в поэтизированных описаниях процессов жизнедеятельности русинов: «Русинъ бѣдно жіє»; «онъ маєтности не має, ни сребра, ни злата»; «не в богатой он полатѣ пребываетъ гоино. В низкой, малой халупинѣ бываетъ покойно»; «пшеничнаго и житнаго хлѣба онъ не просить, овесь, ячминъ кормить его, но и той не досить»; «землю широко дѣлає и бѣдно трудится, по горахъ быстро бѣгає, ташко мозолится»; «весело работає, трудится покойно»; «и такъ жіє, такъ працує, въ ласцѣ Бога свого»; «все невинно, и острожно самъ себе питаєт» (Книжица 1850: 88–93). Приведенные примеры раскрывают значение соответствующей семантической координаты в исторической проекции, дают ретроспекцию материальной необеспеченности русинов (отсутствие собственности, бедность в бытовом плане, недостаток продуктов питания, стесненные жилищные условия), что опосредует жизненную необходимость в тяжелом физическом труде в суровом природном окружении (возделывание земли в гористой местности, культивирование неприхотливых и урожайных сельскохозяйственных зерновых культур), а также демонстрируют личностные качества представителей данного этнического сообщества, коррелирующие с трудовой деятельностью (трудолюбие, усердие, добросовестность, высокая работоспособность, ловкость) и отношением к своему недостаточно благополучному положению (спокойствие, миролюбие, отсутствие зависти и обиды на судьбу, жизнерадостность, упование исключительно на себя и свои силы).

Образовательно-просветительский вектор в анализируемых произведениях представлен всего несколькими описательными конструкциями: «здраваго разума онъ есть, хоть неучиль школу» (Книжица 1850: 88–93); «Коль первый разъ отвориль ротъ, русское слово прорекъ» (Поезіи 1922: 36–37). Лапидарность знакового наполнения данной семантической координаты в творческом наследии А. Духновича объясняется экстралингвистическими факторами, часть из которых поэтизирована автором в стихотворении «Жизнь русина»

(Книжица 1850: 88–93): «Русинь бѣдно жиє»; «Онъ маєтности не має ни сребра, ни злата»; «бѣдно трудитяся». Таким образом, А. Духнович в своих стихотворениях концептуализирует русинов как умных (здравомыслящих, интеллектуально развитых, рассудительных) людей, указывая на отсутствие у представителей данного этнического сообщества материальной возможности получить образование. Также автор акцентирует внимание на принадлежности русинов к конкретной языковой группе. Отражение данных фактов находим не только в поэтическом творчестве автора. Подвижничество А.В. Духновича на nive образования и просвещения русинов, желание дать своему народу учебные пособия на понятном и привычном (родном) языке воплощены в его изданиях «Книжица читалная для начинающихъ» (Книжица 1847; Книжица 1850), «Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка» (Сокращенная грамматика 1853).

Семейно-родовой вектор, опосредующий соответствующую семантическую координату в концептуальном поле этнонима *русин*, в творчестве А. Духновича довольно широкий. Данный факт можно трактовать как способ вербального воздействия на потенциальных читателей для их сплочения по принципу этнической принадлежности. Именно поэтому в стихотворениях А. Духновича конструкции, связанные с семантикой семейно-родового вектора, имеют констатирующий или прокламационный характер: «Я русинь былъ, есмь и буду, я родился русиномъ, честный мой родъ не забуду, останусь его сыномъ; русинь былъ мой отецъ, мати, русская вся родина, русины сестры, и братья, и широка дружина. Великий мой родъ и главный, міру есть современный»; «Русинь мене колысаль»; «не забылъ съ своимъ знатися родомъ»; «Прото тобѣ, роде мой, кленуся живимъ Богом за печальный потъ и трудъ твой повинуюся долгомъ» (Поезіи 1922: 36–37); «Русски дѣти, вамъ свѣтаєть ужъ зорничка всходитъ вамъ, Слава мати васъ витаєть и зоветъ къ своимъ рядамъ»; «Слава, Слава наша мати пробудилась отъ сна сновъ, зачинаєть царствовати взываєть храбрыхъ сыновъ»; «Сильна наша Слава мати, ей золотый крѣпкій щитъ не дасть сынама погигати, она братьєвъ помѣритъ» (Поезіи 1922: 66–67); «Подкарпатскіи русины, оставьте глубокий сонъ! Народный голосъ зоветъ васъ: не забудьте о своемъ! Нашъ народъ любимый да будетъ свободный» (Поезіи 1922: 84); «Братня сила намъ поможе защищать Славы престолъ» (Поезіи 1922: 66–67); «Подобно роду своему жиє во Карпатахъ» (Книжица 1850: 88–93). Приведенные примеры указывают на исключительную важность для русинов внутрисемейных взаимоотношений, а также транслируют во внетекстовую реальность модусы почитания предков, любви к родителям и детям, уважения к другим родственникам, единения

всех представителей данного лингвокультурного сообщества. Также в семейно-родовом векторе находят отражение следующие концептуальные для русинов понятия: патриотизм, желание национального самоопределения, миролюбие, традиционализм.

Самоидентификационный вектор этнонима *русин* в поэзии А. Духновича вербализируется конструкциями, раскрывающими смысл личностных качеств представителей данного национального лингвокультурного сообщества, отличных от характеристик, актуализированных в сакральном векторе: «Каждый русинъ добрый хлопъ» (Поэзии 1922: 65); «Бодро, крѣпко, храбро, сильно ржавый въ руки беръте зброй, безустрашно и правильно отважно грядъте на бой»; «Ноже хлопцы въ имя Боже станемъ храбро съ горы въ доль»; «Не боится русинъ врага, ему нѣтъ дороги въ задъ, грудь отверту все безъ страха держитъ и на кулей градъ»; «Ноже бодро въ рядъ ставайме насъ не пугаетъ буря, и свободу защищайме» (Поэзии 1922: 66–67). Как видно из приведенных примеров, в ситуациях, противопоставленных бытовым, в опасном положении, при угнетении, при угрозе жизни и ограничении свободы русины концептуализируются А.В. Духновичем как смелый, храбрый, мужественный, бесстрашный, отважный народ. При этом сами себя русины (в концептуальной картине мире А. Духновича) воспринимают добрыми, энергичными, сильными и вольнолюбивыми людьми, готовыми защищать свою Родину, отвоевывать свободу и независимость.

При анализе тематических векторов концептуального поля *русин* в стихотворениях А.В. Духновича обращает на себя внимание энциклопедичность некоторых определений, положений и трактовок, которые выражаются поэтическим языком (иногда иносказательно). Подтверждение этому, например, находим при сопоставлении информации, изложенной в статье «Русины» в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, и стихотворных строк А. Духновича: «Сами р. зовуть себя в ед. числѣ русинъ» (Ир. П. 1899: 297) – «Я русинъ былъ, есмь и буду, я родился русиномъ, честный мой родъ не забуду, останусь его сыномъ; русинъ былъ мой отецъ» (Поэзии 1922: 36–37); «Высшихъ классовъ (дворянъ или пановъ) р. не имѣють» (Ир. П. 1899: 297) – «Не в богатой он полатъ пребываетъ гоино» (Книжица 1850: 88–93); «Р. В Венгрии – около 400 000 человек – живутъ по южному склону Карпатъ» (Ир. П. 1899: 297) – «Жіе во Карпатахъ» (Книжица 1850: 88–93); «Они лучше другихъ сохранили свой первоначальный типъ сильнаго пастушескаго племени» (Ир. П. 1899: 297) – «Два волики и коровка, кляча не кована, сколько овецъ, ягнятенка, богатства мударна» (Книжица 1850: 88–93); «Обыкновенно флегматичные, въ минуту опасности они обнаруживаютъ большое мужество» (Ир. П. 1899: 297) –

«станем храбро съ горы въ доль», «Не боится русинь врага»; «нас не пугаетъ буря» (Поезії 1922: 84); «Рядомъ съ скотоводствомъ они занимаютъ земледѣліемъ и промыслами: плотничаютъ, сплавляютъ плоты, копаютъ руду, извозничаютъ, рубятъ дрова, жгутъ уголь» (Ир. П. 1899: 297) – «Он ремесло не кохаетъ, лишь землю дѣлаетъ» (Книжица 1850: 88–93). Как видно из приведенных примеров, в некоторых трактовках наблюдаются противоречия. При чем для самих русинов корректной, вероятнее всего, будет информация, изложенная А. Духновичем – представителем того же лингвокультурного сообщества, что, безусловно, следовало бы учитывать автору энциклопедической статьи И.Н. Половинкину и редакторам соответствующего тома издания словаря – академику К.К. Арсеньеву и профессору Ф.Ф. Петрушевскому.

Таким образом, концептуальное поле этнонима *русин* в поэтическом наследии А.В. Духновича представляет собой систему взаимосвязанных семантических координат, тематические векторы которой содержат практически энциклопедические сведения о семейно-родовых отношениях русинов, их быте, истории, культуре, образовании, характере, отношении к Богу, морально-этических ценностях и личностных качествах. Концептуализация анализируемого этнонима прецедентной личностью, которой для русинов, безусловно, является А.В. Духнович, позволяет закрепить в картине мира представителей данного национального лингвокультурного сообщества исключительно положительные коннотации и ассоциации, связанные с этим наименованием. Можно утверждать, что подобные вербализированные концептуальные структуры, характеризующие этнонимы, настолько статусные в когнитивном плане, что переходят в разряд доминантных ментальных констант для определенного народа и практически не поддаются деформации и разрушению, транслируются последующими поколениями как национальный историко-культурный стереотип (символ), становятся идеологической основой общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко, Чумак-Жунь 2017 – *Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И.* Русинский мир в поэтическом дискурсе Ивана Франко // *Русин.* 2017. № 2 (48). С. 13–30.

Алмаший 2006 – *Алмаший М.* Национальное кредо А.Духновича: «Я русин был, есмь и буду» // *Русин.* 2006. № 1 (3). С. 17–19.

Аристов 1916 – *Аристов Ф.Ф.* Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам: в 3 т. М.: Типография Т-ва Рябушинских, 1916. Т. 1. 304 с.

Гришечко, Акопова 2016 – *Гришечко О.С., Акопова А.С.* Понятие прецедентных феноменов и их роль в формировании социального сознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12, ч. 1. С. 71–74.

Зелянко 2007 – *Зелянко С.В.* Інтэртэкстуальны эфект журналісцкай дзейнасці // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2007. № 1. С. 117–122.

Зиновьева 2017 – *Зиновьева Е.И.* Этнонимы *русин, русак и русский* в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Русин. 2017. № 1 (47). С. 92–105. DOI: 10.17223/18572685/47/8

Ир. П. 1899 – Ир. П. Русины // Энциклопедический словарь. Т. XXVII. Розавень – Рѣпа. СПб.: Типография Акц. общ. «Издат. Дѣло, бывшее Брокгаузь-Ефронь», 1899. С. 296–297.

Каминский 1925 – *Каминский І.* Національное самосознание нашего народа. Въ память А.Духновича. Ужгородь: Типография «Школьной помощи», 1925. 20 с.

Книжица 1847 – Книжица читальная для начинающих. Будинь Градь: Всеучилища Пештанского, 1847. 115 с.

Книжица 1850 – Книжица читальная для начинающих. Будинь: Ц.К. Оугорской книгопечатни, 1850. 120 с.

Караулов 1987 – *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

Красных 1997 – *Красных В.В.* Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / Под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Филология, 1997. С. 5–12.

Ма 2001 – *Ма Т.Ю.* Национальное самосознание в контексте языка и культуры (на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 186 с.

Методология 1998 – Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: Белгосуниверситет, 1998. Вып. I. 283 с.

Нам, Наумова 2015 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4 (42). С. 126–142. DOI: 10.17223/18572685/42/10

Народная 1871 – Народная пѣсня рутеновъ // Сова. Сатирическая газета. 1871. 20 Юня (2 Юл.). С. 2.

Недзѣльскій 1932 – *Недзѣльскій Е.* Очеркъ карпаторусской литературы. Ужгородь: Типография «Школьной помощи», 1932. 290 с.

Поезії 1922 – Поезії Александра Духновича / З перводруков собрав, житепись написав и пояснения додав др. Франтішек Тихій. Ужгородь: Книгопечатня акційного тов. «УНІО», 1922. 88 с.

Попова, Стернин 2007 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. 314 с.

Резанова, Шиялев 2015 – Резанова З.И., Шиялев К.С. Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239–255. DOI: 10.17223/18572685/39/16

Ромашенко, Ромашенко 2015 – Ромашенко М.А., Ромашенко А.А. Актуализация понятий «концепт» и «концептуальное поле» в методологии историко-философских исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57): в 2 ч. Ч. 1. С. 147–150.

Сабовь 1925а – Сабовь Е. Очеркъ литературной дѣятельности и образованія карпатороссовъ. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1925. 36 с.

Сабовь 1925б – Сабовь Е. Рѣчь по поводу торжества открытія памятника-бюста Александра В. Духновича въ В. Севлюшѣ 8/VI 1925. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1925. 15 с.

Сокращенная грамматика 1853 – Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка изданная Александромъ Духновичемъ. Буда: Типографія Мартина Баго, 1853. 51 с.

Суляк 2008 – Суляк С. Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.

Суляк 2017 – Суляк С. Этноним *рус* в антропонимике средневековой Молдавии // Русин. 2017. № 1 (47). С. 80–91. DOI: 10.17223/18572685/47/7

Тудосе 2007 – Тудосе В. Карпаторусские писатели и общественные деятели XIX в. // Русин. 2007. № 1 (7). С. 17–32.

REFERENCES

Alefirenko, N.F. & Chumak-Zhun, I.I. (2017) The Rusinian Universe in Ivan Franko's Poetical Discourse. *Rusin*. 2 (48). pp. 13–30 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/2

Almashiy, M. (2006) Natsionalnoe kredo A. Dukhnovicha: “Ya rusin byl, esm i budu” [National credo of A. Dukhnovich: “I was, am and will be Rusin”]. *Rusin*. 1 (3). pp. 17–19.

Aristov, F.F. (1916) *Karpato-russkie pisateli. Izsledovanie po neizdannym istochnikam* [Carpatho-Russian Writers. Research on Unpublished Sources]. Vol 1. 1. Moscow: T-vo Ryabushinskikh.

Grishechko, O.S. & Akopova, A.S. (2016) Ponyatie pretsedentnykh fenomenov i ikh rol v formirovanii sotsialnogo soznaniya [The concept of precedent phenomena and their role in the formation of social consciousness]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (1). pp. 71–74.

Zelyanko, S.V. (2007) Intertekstualny efekt zhurnalistskay dzeyanosti [Intertextual effect of journalistic activity]. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhavnaga universiteta. Ser. 4. Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 1. pp. 117–122.

Zinovieva, E.I. (2017) The ethnonyms *rusin*, *rusak* and *ruskiy* in the russian vernacular of Muscovite Rus in the 16th-17th centuries. *Rusin*. 1 (47). pp. 92–105 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/8

Ir. P. (1899) Rusiny [Rusins]. In: Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 27. St. Peterburg: Tipografiya Akts. obshch. "Izdat. Delo, byvshee Brokgauz-Efron". pp. 296–297.

Kaminskiy, I. (1925) *Natsional'noye samosoznanie nashogo naroda. V" pamyat' A. Dukhnovicha* [National self-awareness of our people. In the memory of A. Dukhnovich]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

Anon. (1847) *Knizhitsa chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin Grad: Vseuchilishcha Peshtanskago.

Anon. (1850) *Knizhitsa chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin: Ts.K. Ougorskoj Knigopechatny.

Karaulov, Yu.N. (1987) *Ruskiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.

Krasnykh, V.V. (1997) Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovaniy [The system of precedent phenomena in the context of modern research]. In: Krasnykh, V.V. & Izotov, A.I. (eds) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow: Filologiya. pp. 5–12.

Ma, T.Yu. (2001) *Natsionalnoe samosoznanie v kontekste yazyka i kultury (na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka)* [National Identity in the Context of Language and Culture (on the material of the American English)]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Ukhvanova-Shmygova, I.F. (1998) *Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: Aktualnye problemy soderzhatelnogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov* [Methodology of political discourse research: Actual problems of a content analysis of socio-political texts]. Minsk: Belarusian State University.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Rusins' historical memory and national and political identification in 1914–1920. *Rusin*. 4 (42). pp. 126–142 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/10

Anon. (1871) Narodnaya pesnya Rutenov [Rusin folk song]. *Sova. Satiricheskaya gazeta*. 20th June. p. 2.

Nedzelskiy, E. (1932) *Ocherk karpatorusskoj literatury* [An Essay on Carpathian Literature]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

Dukhnovich, A. (1922) *Poezii Aleksandra Dukhnovicha* [Alexander Dukhnovich's Poems]. Uzhhorod: UNIO.

Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: Vostok-Zapad.

Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ethnonyms "Rusin" and "Rusinian" in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1 (39). pp. 239–255 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/39/16

Romashchenko, M.A. & Romashchenko, A.A. (2015) Aktualizatsiya ponyatiy "kontsept" i "kontseptual'noye pole" v metodologii istoriko-filosofskikh issledovaniy [The notions "concept" and "conceptual field" in the methodology of historical and philosophical research]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7(57). pp. 147–150.

Sabov, E. (1925a) *Ocherk literaturnoy deyatel'nosti i obrazovaniya karpatorossov* [Essay on literary activities and the formation of Carpatho-Rusins]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

Sabov, E. (1925b) *Rech po povodu torzhestva otkrytiya pamyatnika-byusta Aleksandra V. Dukhnovicha v V. Sevlyushe 8/VI 1925* [Oratory about the celebration of the opening of the monument to Alexander V. Dukhnovich in Sevlush in 1925]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch.

Dukhnovich, A. (1853) *Sokrashchennaya grammatika pismennago ruskago yazyka izdannaya Aleksandrom Dukhnovichem* [Brief Grammar of the Written Russian language]. Buda: Martin Bago.

Sulyak, S. (2008) Rusiny: uroki tragicheskoy istorii [Rusins: lessons of a tragic history]. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 7–34.

Sulyak, S. (2017) The ethnonym rus in the anthroponymics of Medieval Moldavia. *Rusin*. 1 (47). pp. 80–91 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/7

Tudose, V. (2007) Karpatorusskie pisateli i obshchestvennye deyateli XIX v. [Carpatho-Rusin writers and public figures of the 19th century]. *Rusin*. 1 (7). pp. 17–32.

Зеленко Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и литературного редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета (Беларусь).

Sergey V. Zelenko – Belarusian State University (Belarus').

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com